

DOI 10.15826/izv2.2023.25.2.031
УДК 811.161.1'282.2(470.53) + 81'373.613 +
+ 581.4:81 + 561.42/.47

Ю. В. Зверева
*Пермский федеральный
исследовательский центр УрО РАН*
Пермь, Россия

НАЗВАНИЯ МОЛОДЫХ ШИШЕК ХВОЙНЫХ ДЕРЕВЬЕВ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются диалектные названия незрелой шишки хвойных деревьев, зафиксированные в русских говорах Пермского края. В литературном языке и в разных русских говорах специальные лексические единицы для обозначения этой реалии обычно не используются, в пермских же говорах они распространены. В статье осуществлен анализ этой группы лексики в семантико-мотивационном и лингвогеографическом аспектах, что позволяет сделать выводы об особенностях номинации единиц, выявить иноязычные лексемы, установить ареальные связи пермских с другими русскими говорами. Материалом исследования стали словарные статьи из словарей пермских говоров, а также полевые записи, часть которых ранее не публиковалась. Установлено, что на всей территории Пермского края существуют лексические единицы, называющие молодые шишки хвойных деревьев, это связано с повсеместным использованием их в качестве добавки к рациону питания. Большинство подобных наименований относится к еловым и сосновым стробилам, реже встречаются специальные наименования кедровых и пихтовых шишек. По преимуществу языковые единицы являются русскими по происхождению, в основе мотивации лежат такие признаки, как форма, особенности структуры и цвет. Отмечены заимствования из коми-пермяцкого языка — *козоль* (*козолька*), *кузёнка* (*гузёнка*), которые встречаются в говорах северных районов Пермского края. Наибольшее совпадение в этой группе лексики наблюдается с вятскими говорами, которые граничат с пермскими говорами на северо-западе. Наименования незрелых шишек хвойных деревьев можно отнести к периферии лексической системы русских говоров, что находит отражение во фразеологии. Во фразеологических единицах, пословицах и поговорках представлено только слово *шишка*, которое обозначает созревший плод хвойных деревьев. Во фразеологии лексема часто обозначает нечто бесполезное, поскольку у большинства хвойных деревьев эта часть растения несъедобна.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пермские говоры; фитонимы; народные названия растений; микростробил; мегастробил; языковые контакты; заимствование

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (проект № 19-18-00117).

Ц и т и р о в а н и е: Зверева Ю. В. Названия молодых шишек хвойных деревьев в русских говорах Пермского края // Известия Уральского федерального

университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 181–198. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.031>

Поступила в редакцию: 07.08.2022

Принята к печати: 30.03.2023

Yuliya V. Zvereva

*Perm Federal Research Center,
Ural Branch of the RAS
Perm, Russia*

NAMES OF YOUNG CONES OF CONIFEROUS TREES IN THE RUSSIAN DIALECTS OF PERM REGION

This article examines dialect names of immature cones of coniferous trees recorded in the Russian dialects of Perm Region. There are no lexical units to denote this culture-specific element in the literary language and in various Russian dialects, while in Perm dialects they are numerous. The author carries out an analysis of this group of vocabulary in linguo-geographic and semantic-motivational aspects, which makes it possible to draw conclusions about the peculiarities of the nomination of units, identify foreign lexemes, and establish areal connections between Perm dialects and other Russian dialects.

It is established that throughout the territory of Perm Region, there are lexical units naming young cones of coniferous trees, which is due to their widespread use as a dietary supplement. Most of these linguistic units refer to spruce and pine strobili, less often there are special names for cedar and fir (*Abies*) cones. For the most part, these names are Russian in origin, the motivation is based on such features as shape, structural features, and color. There are borrowings from the Komi-Permyak language – *козоль* (*козолька*), *кузёнка* (*гузёнка*), which are found in the dialects of the northern areas of Perm Region. The greatest overlapping in this group of vocabulary is observed with the Vyatka dialects, which border on the Perm dialects in the northwest.

The names of immature cones of coniferous trees can be attributed to the periphery of the lexical system of Russian dialects, which is reflected in phraseology. There is only the word *шишка*, which means the ripened fruit of coniferous trees in idioms, proverbs, and sayings. The lexeme often denotes something useless in phraseology, since in most conifers, this part of the plant is inedible.

К е у w o r d s: Perm dialects; phytonyms; folk names of plants; micro-strobile; mega-strobile; language contacts; loanword

Acknowledgements

This research is supported by a grant from the *Russian Science Foundation*, project 19-18-00117 “Traditional Culture of Russians in the Zones of Active Interethnic Contacts in the Urals and the Volga Region”.

For citation: Zvereva, Yu. V. (2023). Nazvaniia molodykh shishek khvoinykh derev'ev v russkikh govorakh Permskogo kraia [Names of Young Cones of Coniferous

Trees in the Russian Dialects of Perm Region]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(2), 181–198. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.031>

Submitted: 07.08.2022

Accepted: 30.03.2023

Введение

Диалектная лексика флоры всегда вызывала интерес исследователей, так как в ней находят отражение своеобразие растительного мира той или иной территории, особенности национальной картины мира этноса, а также специфика ведения хозяйственной деятельности. Как отмечает Т. И. Вендина, человек маркирует те признаки и свойства растений, которые имели для него хозяйственно-важное значение [Вендина, с. 31]. Изучение фитонимической диалектной лексики важно и с точки зрения описания системных связей в говорах.

Отметим, что системного описания народной фитонимии Пермского края пока не существует, что связано и с продолжающимся сбором диалектных названий растений в русских говорах региона, и со сложностью установления соответствия между номинациями и реалиями. Ботаническая лексика зафиксирована в нескольких диалектных словарях Пермского края, существуют отдельные работы, посвященные изучению некоторых названий растений [Бакланова; Русинова; Русинова, Богачева], использованию их в ритуальной практике [Боброва, Русинова, Черных], происхождению заимствованных названий [Гайдамашко], проблемам описания ботанической лексики в тематическом словаре [Савельева].

Пермский край расположен в зоне темнохвойной тайги, в темнохвойных лесах региона чаще всего встречаются ель и пихта. Среди растительности Пермского края есть и светлохвойные леса, в которых самое распространенное дерево — сосна обыкновенная. Жители Пермского края традиционно использовали хвойные деревья во многих сферах жизни: строительстве, медицине, а в голодные годы также и в питании. Информанты — жители сельской местности Пермского края — нередко рассказывают о том, что ели молодые шишки хвойных растений. Особенно часто упоминают об этом люди, чье детство пришлось на военные и послевоенные годы: *Что вот весна начиналась, и всё, что росло такое, съесть можно было, всё ели. Вот на ёлке ягоды, например, мы ели. Красные, вкусные, между прочим, ягоды* (Рябинино Черд.) [КСРГСПК]. Употребление этих частей растения в пищу обусловило появление в русских говорах Пермского края большого числа названий молодых шишек ели и сосны, которые стали предметом анализа в данной статье. Источниками материала послужили диалектные словари русских говоров Пермского края, а также диалектные записи, хранящиеся в картотеке «Словаря русских говоров севера Пермского края» и в диалектологическом архиве лаборатории «Региональная лексикология и лексикография» Пермского национального исследовательского университета.

Отметим, что в диалектных словарях редко фиксируются специальные названия для молодых шишек хвойных деревьев, чаще всего в словарях представлены такие дефиниции: ‘сосновая или еловая шишка’, ‘шишка хвойного дерева’. Возможно, во многих русских говорах действительно не существует специальных языковых единиц для обозначения отдельных денотатов или же этот факт объясняется спецификой сбора информации: например, в программе собирания сведений для ЛАРНГ соответствующий вопрос Л 98 сформулирован как «шишка хвойного дерева» [Программа собирания сведений..., с. 22]. Значительное число специальных лексических единиц для наименования этой части хвойных растений в пермских говорах свидетельствует о значимости реалии. В настоящей статье наименования молодых шишек хвойных деревьев будут рассмотрены в семантико-мотивационном и лингвогеографическом аспектах, что позволит сделать выводы о системных связях в этой группе лексики, о межъязыковом и межкультурном взаимодействии в регионе, выявить некоторые особенности питания жителей Пермского края.

Наименования молодых еловых шишек в пермских говорах

В диалектных словарях и картотеках словарей Пермского края зафиксировано несколько названий молодых шишек (стробил) ели:

гузёнок / гузёнка: *Еловы ягоды, гузёнки ели, кислицу. Как мы выжили?* (Редикор Черд.); *А не знаем, мы их ягодами звали, на ёлках, красенькие, они как... ягодками были, а... это... на соснах как бы эти... шишечки-та, я не знаю как, гузята их звали* (Губдор Краснов.) [КСРГСПК];

елóвая ягода: *Да, ели тожо. [Они так и назывались?] Так и назывались еловые ягоды. [Их просто в сыром виде ели?] Да, просто. Хосподи, чё можно было в рот толкать, всё ведь толкали* (Мутиха Краснов.) [Там же];

ёлка-ягода: *Ну вот, лесные, этот лес, вот ёлка, на ёлке тоже ягоды бывают, весной. Они красные, оне, как ись, тоже ельник, но принесёшь домой, с молоком, ох как хорошо. [А как эти ягоды называются?] А, ягоды, вот так они и назывались, ёлка-ягоды. От ёлки ягоды* (Рябинино Черд.) [Там же];

елóвчик: *Старуха моя утром-то за еловчиками в лес пойдёт, дак вы вечером приходите. Это шишечки такие, красного цвета* (Большой Букор Чайк.) [СПГ, вып. 1, с. 247]; *[А не собирали молодые шишки на соснах, на елях, употребляли в пищу?] Собирали, как же. Еловчики, сосновчики* (Аряж Куед.) [ДАКТиПЯ];

козóль: *Весной-то хожу, собираю козоль и ем; вкусно. Это как шишечка на ветках у елки. Нащиплем козелей с елки, можно хоть и лепешки испекчи из их* (Юм Юрл.) [СРГКПО, с. 122];

козóлька: *А вот маленькие, свежие веточки весной называют козольки. Зародыши шишек, кончики веточек, они вкусные. [А от каких деревьев?] Сосна, ель. А если много-много набрать, намешать с медом, хорошее средство от кашля. [А козольки — это зародыши шишек?] Да. [Их сырые едят?] Да, ребята наломают, идут, жуют* (Усть-Зула Юрл.) [КСРГСПК];

красная ягода: *На ёлках ягоды растут раньше, вот весной красные ягоды* (Гадья Черд.) [КСРГСПК];

кузёнок / кузёнка: *Забыл, когда собирали... Растут в огороде на елке, какие-то красненьки ягодки такие добрые, мам такие... У нас их звали кузёнки! Ну тоже кузёнки... Вот тоже, у них ели, всё ели, всё сподряд, только вот* (Аниковская Черд.) [Там же];

лесная ягода: *Ну какие, чернику, голубику, и, бруснику, ну а лесные ягоды я в детстве ела, я лазила на деревья, ела их хорошо, эти, с молоком, как и всяко бывало. [Лесные — это какие?] Ну вот, лесные, этот лес, вот ёлка, на ёлке тоже ягоды бывают, весной. Они красные, оне, как ись, тоже ельник, но принесёшь домой, с молоком, ох, как хорошо* (Рябинино Черд.) [Там же];

пряничек: *В лес ходили. Ой, с деревев... сок сосили, или всё... всякие... На ёлках прянички были... их э-э... крошили, похлёбку варили* (Губдор Краснов.) [Там же];

ягода: *Это значит вот весной, когда снег спадёт, весна когда холодная, эти ягоды получаютя. На сосне есь ягоды, на кедре и на ёлке* (Ныроб Черд.) [Там же].

Большинство представленных языковых единиц имеют прозрачную внутреннюю форму: многие образованы от корня *ел-* или содержат в своем составе слово *ягода*, фитоним **пряничек** связан со словом *пряник*. Не мотивированы данными русского языка лексемы *козоль*, *козольки*, *кузёнки*. Интересно распределение языковых единиц, называющих молодые еловые шишки, на карте. Так, только на севере края (в Чердынском, Красновишерском, Юрлинском районах) фиксируются лексемы *козоль*, *козольки*, *гузёнки*, *кузёнки*. Слово *козоль* является заимствованием из коми-пермяцкого языка, в котором *кӧз* ‘ель, еловый’ [КПРС, с. 191] и *коли* (*коль*) ‘шишка’ [КПРС, с. 180]. Примеры употребления этой части растения в пищу есть в «Материалах для словаря коми-пермяцких названий растений»: *КОЗОЛЬ*, (*коч.*) *Козольыс абу дыр сёяна, чожа мыйись сйя путиалӧ. Еловые ягоды недолго съедобны, они скоро распускаются* (*Сеполь Коч.*) [Л]. [МСКПНР, с. 107].

Можно предположить, что наименования **кузёнки**, **гузёнки** являются формой адаптации к русскому языку в фонетическом и словообразовательном плане коми-пермяцкого *козоль*. Заимствованное происхождение подтверждается тем, что эти фитонимы фиксируются только в зонах контактов русских с коми-пермяцким населением. Кроме того, коми-пермяцкое слово *коз* ‘ель’ восходит к общепермскому **kūz* и уральскому **kuse ~ kose* [КЭСЯ, с. 127], возможно, в диалектах коми языка, которые бытовали на севере Пермского края, в корне слова был звук [u], что затем нашло отражение в лексемах **кузёнки**, **гузёнки**. Вероятно, слово, которое с точки зрения носителя русского языка, имеет темную внутреннюю форму, в пермских говорах получает русский суффикс *-ёнок*, а безударный гласный в корне меняется на [y], тем самым корень сближается с существующим в русском языке корнем *гуз-* (представленным, например, в единицах *гузка*, *гузно*). В славянских языках широко представлены слова с корнем **gъzъ* со значениями ‘задняя часть тела животного или человека’, ‘нижняя часть снопа’, ‘шишка от удара, опухоль’ [ЭССЯ, вып. 7, с. 91–92].

Трансформация значения ‘задняя часть чего-либо’ > ‘о чем-либо, что выдается, выступает’ > ‘шишка’ > ‘шишка хвойного дерева’ представляется вполне объяснимой. Вероятно, в пермских говорах на основе фонетического сходства и некоторой общности значения происходит контаминация русского и коми-пермяцкого корней.

Интересно, что подобные слова, называющие молодые шишки ели, употребляемые в пищу, фиксируются в русских говорах на территориях, где проживает коми население. Так, в Афанасьевском районе Кировской области, в котором живут зюздинские коми-пермяки, встречаются лексемы **козоль** и **козулки**: *Казоль ребята собирают и едят* [ОСВГ, вып. 3, с. 15]; *козулки* ‘молодые сосновые шишки (крестьянские дети употребляли их как лакомство)’ [СРНГ, вып. 14, с. 74]. Слово **козоль** ‘женские цветы ели, имеющие вид маленьких шишечек на концах ветвей’ в «Словаре русских народных говоров» отмечается и как «уральское» [Там же, с. 72]. В русских говорах Ленского района Архангельской области, который граничит с Республикой Коми, зафиксировано слово *кóзыс*, собир. ‘молодые шишки на ели’ [СГРС, т. 5, с. 218]. С. А. Мызников сравнивает с коми *коз коль*, *коз пу коль* ‘еловая шишка’ [Мызников, с. 316–317]. В этих же говорах отмечена и номинация *красная ягода* ‘незрелая шишка ели’ (*Красные ягоды с ёлки в войну собирали*) [СРГС, т. 6, с. 136].

Наименование **еловчик** встречается только в южных районах Пермского края: Куединском, Чайковском, Чернушинском. Кроме того, лексемы **елóвник** и **елóвник** ‘молодая еловая шишка’ отмечены также в Кировской области [СРНГ, вып. 8, с. 344].

Возможно, в пермских говорах существовали и другие единицы с подобными значениями: так, словаре В. Даля с пометой «пермское» фиксируется также слово **северю́ха** ‘молодые весенние побеги на ветвях ели, похожие на землянику’ [Даль, т. 4, с. 115]. В современных русских говорах Пермского края оно не отмечено, но фонетический вариант *северю́ха* существует в русских говорах Удмуртии, а также в диалектах удмуртского языка [Максимов, 2010а, с. 110]. В вятских говорах были зафиксированы лексемы *се́вериха* ‘крупа на елках’ [СРНГ, вып. 37, с. 102] и *си́верю́ха*, дефиниция слова дана через отсылку к слову *севериха* [Там же, с. 270]. Однако иллюстрация, приведенная в словаре (*На елках ягоды растут — севериха*) [Там же], свидетельствует о том, что правильным толкованием будет ‘молодая еловая шишка’. Языковые единицы **севериха** / **северю́ха** производны от слова *север* или *северный* (от сочетания *северная ягода*). В русских народных говорах фитонимы с корнем *север-* часто называют влаго- и тенелюбивые растения (*северюга* ‘чемерица’, *северюха* ‘растение семейства лютиковых’) [Там же, с. 103]. Но ель обыкновенная произрастает на разных почвах, на наш взгляд, в данном случае определение *северный* приобретает значение ‘появляющийся раньше других (о растении)’. В пермских говорах отмечены лексемы *северю́ха* и *северю́шник* ‘нивяник’, в иллюстрации содержится указание на раннее время произрастания: *Северю́ха — жёлтой цвeток; он первой на шутьмах появля́тся; он мало живёт, всё спаде́т с его; в ём*

ведь блохи-те и копятся (Толстик Сол.) [СПГ, вып. 1, с. 326]. Таким образом, *северюха*, которую можно собирать в конце мая — начале июня, противопоставляется обычным ягодам, которые появляются позже.

Материалы СРНГ как пермское отмечают значение ‘шишка хвойного дерева’, ‘еловая шишка’ у многозначной лексемы *гу́лька* (*Гульки на сосне, пихте, ели и т. п.*) [СРНГ, вып. 7, с. 219]. В региональных диалектных словарях это слово зафиксировано с другими значениями: ‘соцветие хвоща’ [СПГ, вып. 1, с. 193], ‘шишка, бугорок на теле человека’ [КСРГСПК]. Интересно, что в коми-пермяцком языке отмечаются сходные фонетические варианты слова с тем же значением: *голи* ‘еловая шишка’ [КПРС, с. 101; Рогов, с. 38], *гулю* ‘шишка’ [МСКПНР, с. 106]. Возможно, русские слова являются фонетическими вариантами коми-пермяцкого *коль* ‘шишка’, в диалектах удмуртского языка отмечается *кулы* ‘шишка’ [Максимов, 2010б, с. 108]. Однако в других пермских языках варианты с начальным звонким согласным не отмечены, что позволяет предположить заимствованное происхождение из русского языка. Русское диалектное слово *гуля* (*гулька*) ‘шишка, опухоль, нарост’ имеет соответствия во многих славянских языках: у единиц с корнем *gul-/gul’* отмечены значения ‘утолщение, узел’, ‘шишка, желвак, липома’, ‘суковатое полено’, ‘шар’, ‘ком’ и др. [ЭССЯ, вып. 7, с. 169–170]. По мнению составителей «Этимологического словаря славянских языков», лексема имеет праславянский корень **gula*, который можно возвести к индоевропейскому корню [Там же]; А. Е. Аникин возводит к праславянскому **gula / gulja* ‘шишка, нарост, утолщение (на голове, дереве)’ [Аникин, вып. 12, с. 226]. Скорее всего, в пермских говорах происходит постепенное сужение семантики слова: ‘шишка, нарост, утолщение’ > ‘соцветие круглой или овальной формы’ > ‘шишка хвойного дерева’. В последнем значении оно и было заимствовано коми-пермяцким языком.

Возможно, употребление в пищу молодых шишек хвойных растений русскими Пермского края связано с влиянием рациона коми-пермяков. Во всех регионах, где проживают пермские народы (коми, удмурты, коми-пермяки) есть упоминания о сборе молодых шишек хвойных деревьев. Работы этнографов также свидетельствуют о повсеместном употреблении народом коми дикоросов (в том числе молодых шишек ели и сосны) в качестве пищевых суррогатов [Народы Поволжья и Приуралья, с. 110]. Распространение заменителей хлеба в рационе питания крестьян Русского Севера (которые соседствовали с финно-угорскими народами) отмечает А. Г. Гудков [Гудков, с. 163–168]. Частично этот вывод подтверждает и большое количество названий молодых еловых и сосновых шишек в пермских языках. Кроме того, в диалектах удмуртского языка также есть отдельные лексемы для называния еловой шишки и молодой мужской шишки ели (исследователи называют ее «мужской цветок ели (северюха)» [Максимов, 2010а, с. 110]). Номинации, распространенные в русских говорах этих территорий, могут быть заимствованными (*козоль, козыс*) и собственно русскими. В свою очередь, русские говоры этих территорий оказывали влияние на пермские языки, об этом говорят такие наименования молодых шишек ели,

как *севериха* в удмуртских говорах и *голи* (*гулю*), слово *ягода* (*ягӧд*) в сложных названиях этой части растения в коми-пермяцком языке.

Наименования молодых сосновых шишек в пермских говорах

Существуют также отдельные языковые единицы для наименования молодых сосновых шишек:

едӧк: *Исть охота, на сосну полезем, едоки собирам да едим* (Зотово Ел.) [СПГ, вып. 1, с. 244];

круглянка: *У сосны круглянки, можно есть их* (Сёйва Гайн.) [СРГКПО, с. 131];

круп(л)янка: *Крупянка на сосне, весной цветёт* (Черд.) [КСРГСПК]; *Раньше все ели — и крупянки, это молодые шишечки, и костыльки — это как наподобие черенки на ветках* (Суксун); *А мы опять всё раньше ходили в сосняк, крупянки ели* (Орда) [СРГЮП, вып. 1, с. 435];

пӧчка: *Почки сосны ели. На ёлках ягоды растут раньше. Вот весной красные ягоды. Ягоды вот эти* (Гадья Черд.) [КСРГСПК];

свѣчка: *Эти, сосны крупный вырост, там только свечками... ну, молодые побеги... Это же самое, свечки. Ну, эти побеги, молодые-то вот-вот они созреют. Каждый год зреют побег. Ну, вот эта свечка вон иногда. Ну, сосна, сосна* (Рябинино Черд.) [Там же];

семенушка: *Шибко уж много лони было семенушки на соснах, так было семенушѣк... Семенушки — это на соснах ягоды* (Толстик Сол.) [СПГ, вып. 2, с. 329];

сосновчик: *Собирали, как же. Еловчики, сосновчики. Начинает сосна цвести, перед тем как шишки-то появятся. Ели тоже. Домой не несли, просто отрывают вот и едят* (Суюрка Куед.) [ДАКТиПЯ];

сосновая ягода: *Раньше ели сосновые ягоды, их соберешь, поешь, вкусно* (Полва Кудым.) [СРГКПО, с. 271].

Наименования молодых сосновых шишек мотивированы русскими корнями: *есть* > **едок**, *круглый* > **круглянка**, *круп* > **крупянка**, *сосна* > **сосновчик**. В фитонимах отражены такие признаки, как форма и внешний вид этой части растения (*круглянки*, *крупянки*), использование в пищу (*едоки*). В ряде случаев одна лексема может обозначать как молодую еловую шишку, так и сосновую. Так, на севере Пермского края молодые сосновые шишки могут называть **гузѣнки**: *Гузѣнки ели, оне на соснах растут* (Редикор Черд.); *По гузѣнки ходили, они тожно на сосне растут, их едят тоже* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]. Лексема **круп(л)янка** также служит для наименования как шишек ели, так и сосны: *Весной от голода спасались, так круплянки сладкие жевали с елок* (Ленск Кунг.) [СРГЮП, вып. 1, с. 434]. На наш взгляд, причиной неразличения могло быть внешнее сходство, а также использование молодых шишек этих хвойных деревьев в пищу. Кроме пермских говоров, лексем с корнем *круп-* встречаются также в вятских говорах: *круп*, *крупка* 'соцветие сосны' [ОСВГ, вып. 6, с. 130–131] и в говорах Среднего Урала: *крупянки*, *круплянки*, *крупятки* 'цветы сосны, ели,

кедра, иногда березы' [СРГСУ, т. 2, с. 67]; в иллюстрациях к словарным статьям также упоминается об употреблении незрелых шишек в пищу. В вятских говорах семантика слов с этим корнем более узкая, чем в пермских и уральских диалектах, т. е. единицы называют только незрелые сосновые шишки. Интересно, что в вятских говорах у лексемы *з́асна* 'крупя' существует также значение 'соцветие у сосны желтого цвета, зачатки шишек; отросток у сосны' [ОСВГ, вып. 4, с. 156]. Возможно, в пермские и уральские говоры слова с корнем *круп-* в этом значении были принесены выходцами с территории Вятки, но постепенно их семантика трансформировалась, стала шире.

Наименования молодых шишек пихты и кедра

Реже в диалектных записях находим упоминание об употреблении в пищу молодых шишек пихты, обычно для них используются наименования *пихтовая ягода* (*И такая большая пихта была. Мы, это, все ягоды ели. Оне красные, сладкие.* [А так и назывались, просто ягоды?] *Да, да. Да, ягоды, пихтовые ягоды. И вот мы, это, ели эти ягоды* (Корнино Черд.); *Зубрим [едим] ягодки пихтовые, еловые* (Кикус Черд.) [КСРГСПК] и *пихтовчик* (*А ещё лучше были пихтовчики. Только всё это можно было есть, пока они не переросли, не распушились* (Альняш Чайк.) [Вайгандт, Кокорина, с. 287]). Скорее всего, упоминания об использовании пихтовых шишек встречаются реже, потому что это дерево в Пермском крае менее распространено, чем ель и сосна. Наименования молодых пихтовых шишек образуются по тем же словообразовательным моделям, что и единицы, называющие шишки ели и сосны. Интересно, что лексема *пихтовчик* так же, как и слова *еловчик*, *сосновчик*, встречается только в южных районах Пермского края, т. е. на этой территории активной является модель образования универбатов: *еловая шишка* > *еловчик*, *сосновая шишка* > *сосновчик*, *пихтовая шишка* > *пихтовчик*.

На севере Пермского края также произрастает кедровая сосна, которую в народе обычно называют кедром. В пермских говорах зафиксированы такие названия молодых, недозревших шишек кедра: *парёнка* (*А щас ошибано всё. Рано ещё ребята парёнки ошибали с кедра* (Пайвина Сол.) [СПГ, вып. 2, с. 75]) и *молочко* (*Кедёр это, и шишки есь. Сымите орехи. Щас только молочко, рано ешио до орехов* (Вильгорт Черд.) [КСРГСПК]). Однако эти лексические единицы служат для называния не зародышей шишек, а мегастробил, которые еще не достигли нужной спелости. В приведенных наименованиях актуализированы признаки 'мягкий' (*парёнка*), 'жидкой консистенции' (*молочко*). Первое слово, скорее всего, связано с глаголом *парить* 'запекать в закрытом сосуде в собственном соку', в русских говорах широко распространена лексема *парёнка* 'пареные овощи' [СРНГ, вып. 25, с. 222]. Возможно развитие значения происходит таким образом: 'запекать в закрытом сосуде в собственном соку' > 'доводить до нужного состояния в результате воздействия пара' > 'созревать под действием каких-либо условий', т. е. *парёнка* в данном случае — то, что находится в стадии созревания.

Внутренняя форма слов (*парёнка* и *молочко*) подчеркивает незрелость, неспелость семян шишки, что связано с употреблением в пищу только зрелых плодов кедр. Более того, считалось, слишком ранний сбор ведет к тому, что шишку начинает склевывать кедровка, и можно лишиться урожая орехов.

В природе кедровая сосна начинает плодоносить только в 40–60 лет, шишки с семенами находятся высоко в кроне, поэтому для их сбора нужна была подготовка. В северных районах Пермского края существовал кедровый промысел (об этом свидетельствуют наименования длинной палки для сбивания шишек — *колот* и людей, занимающихся их сбором: *кедровик*, *шишкарник*, *шишкарь*), но не был повсеместным явлением, что связано с небольшой зоной распространения кедровой сосны в регионе.

Сравнение с другими русскими диалектами показывает, что в сибирских говорах встречаются единицы, называющие кедровую шишку: *озимь* ‘молодые кедровые шишки’ [СРНГ, вып. 23, с. 94], *надалика*, *надалица* ‘опавшая кедровая шишка’ [СРНГ, с. 25, с. 116], *серенка* ‘ранняя кедровая шишка, покрытая смолой’ [СРНГ, вып. 37, с. 212], но совпадений пермских и сибирских диалектных единиц нет. О. В. Блинова в статье, посвященной лексике кедрового промысла отмечает, что «диалектных терминов промысла, известных в говорах европейской части страны, насчитываются единицы», и связывает эту особенность диалектной лексики кедрового промысла со специфически сибирским характером промысла [Блинова]. В других русских говорах (севернорусских, уральских) наименования кедровых шишек очень редки, в говорах Среднего Урала встретились одна такая лексема — *кедровка* [СРГСУ, т. 2, с. 23].

Проблема установления соответствия между фитонимами и обозначаемыми реалиями

Существует проблема установления соответствия между народными наименованиями и реалиями, которые они обозначают. Исследователи отмечают, что собиратели часто не имеют специальной подготовки, а также отсутствует координация научных усилий лингвистов и ботаников [Боброва, Русинова, Черных, с. 167]. Если обратиться к рассматриваемым единицам, то можно указать два вопроса, на которые должны ответить исследователи. С одной стороны, в некоторых контекстах недостаточно полно бывают разведены фитонимы, называющие молодые еловые и сосновые шишки. С другой стороны, хвойные деревья (ель, кедр, пихта и сосна) являются однодомными раздельнополыми растениями, т. е. у них есть мужские шишки (микростробилы), которые производят пыльцу, и женские шишки (мегастробилы), которые дают семена.

Во многих диалектных словарях в дефиниции не указывается, какая молодая шишка (мужская или женская) имеется в виду: *козоль* ‘незрелые красноватые еловые шишечки’ [СРГКПО, с. 122], *козыс* ‘молодые шишки на ели’ [СГРС, т. 5, с. 218], *красная ягода* ‘незрелая шишка ели’ [СРГС, т. 6, с. 136], *крупянка* ‘соцветия сосны, ели’ [СПГ, вып. 1, с. 442], *семенушка* ‘соцветие хвойных

растений, обычно округлой или яйцевидной формы, покрытое чешуйками; шишка' [СПГ, вып. 2, с. 329]. Внутренняя форма слова часто не дает ответа на вопрос о том, о каких шишках идет речь. Так, для называния шишки используются лексемы **ягода** и **почка**, но они могут относиться к любым несозревшим стробилам, в то время как словом **шишка** обычно называют созревшие мегастробилы, у которых есть семена.

Реже в словарях в толкование вводится сема 'мужской / женский': *козоль* 'женские цветы ели, имеющие вид маленьких шишечек на концах ветвей', которая имеет помету «уральское» [СРНГ, вып. 14, с. 72], *заспа* 'мужские соцветия сосны' [СРНГ, вып. 11, с. 51]. В «Материалах для словаря коми-пермяцких названий растений» незрелые еловые и сосновые шишки, которые употреблялись в пищу, обычно отмечаются как женские: *кõзавоз*, *кõзьягõд* [МСКПНР, с. 108], *озьягõд* [Там же, с. 112], *пувььягõд* [Там же, с. 114], *ульягõд* 'женские цветы ели, имеющие вид маленьких красноватых шишечек на концах ветвей' [Там же, с. 115], *пожумьягõд* 'женские цветы сосны, имеющие вид маленьких шишечек на концах ветвей' [Там же, с. 113]. Однако в некоторых иллюстрациях содержится указание на то, что сбор таких шишек нужно проводить в определенное время, иначе они «пылят», соответственно, речь идет о микростробилах: «*Кõзьягõд*» *растут, они какие вкусные. Не соберёшь (их), она распускается (пушится), потом как мука распылится, и всё* (Чивизгина Кудым.) [Там же, с. 109]; *Еловые ягоды недолго съедобны, они скоро распускаются* (Сеполь Коч.) [Там же, с. 107]. Именно в мужских шишках содержатся пыльцевые зерна, которые высыпаются после созревания. Иногда на вид шишки указывает цвет, о котором говорится в иллюстрации: *Боронить поедем, надо собрать что-то поись. Раньше были сосновые ягоды. На ёлках красные бывают. Потом сосновые желтые. Их соберешь, поешь* (Полва Кудым.) [ДАКТиПЯ]. Незрелые сосновые микростробилы имеют желтоватый цвет, в то время как маленькие женские шишки розовые, поэтому можно сделать вывод, что **сосновые ягоды** — это незрелые мужские шишки (соцветия) сосны.

В случае с лексемами **круп(л)янка** и **семенушка**, которые называют молодые сосновые шишки, в дефиницию также можно было бы ввести сему 'мужская / женская (шишка)', поскольку внутренняя форма этих слов указывает на этот признак. Мужские шишки сосны мелкие, овальные и собраны в тесные группы, которые напоминают колосок, скорее всего, этот образ лежит в основе таких наименований, как **круп(л)янка** и **заспа**. Семена же образуются только в мегастробилах, следовательно, **семенушка** — это молодая женская шишка. На наш взгляд, авторы диалектных словарей при достаточности иллюстративных примеров должны включать в толкование словарной единицы признак 'мужской / женский'.

Употребление молодых хвойных шишек в пищу

Мотивация ряда наименований молодых шишек подчеркивает их съедобность. Так, языковые единицы образуются от глагола *есть* > **едок**; в пермских и других русских говорах отмечены лексемы, образованные от глагола *есть*,

которые называют пищу вообще: *едеро* [СПГ, вып. 1, с. 244], *едова* [СГРС, вып. 3, с. 304], *едичка*, *едка* [СРГНП, т. 1, с. 197] и т. п. Существительные с конкретным значением, образованные от этого глагола, обычно обозначают людей с хорошим аппетитом (*едок*, *едун*). Но эти факты не исключают возможности образования от корня *ед-* с помощью суффикса *-ок* слова, которое обозначает растение или его часть, пригодные для употребления в пищу. Другие лексемы, называющие недозрелые шишки, образуются от слов со значением ‘продукты питания’: *пряник* > *пряничек*, *крупа* > *крупянка*. Номинативные сочетания часто включают слово *ягода* (*ёлка-ягода*, *еловая ягода*, *красная ягода*, *лесная ягода*, *сосновая ягода*, *пихтовая ягода*), которое в общенародном языке обычно обозначает маленький сочный или мясистый плод, используемый в пищу.

Чаще всего молодые шишки ели сырыми, но информанты отмечают также и некоторые способы их приготовления. Так, молодые шишки могли использовать в качестве составляющего похлебки (*В лес ходили. На ёлках прянички были... йих лома... э-э... крошили, похлёбку варили* (Губдор Черд.) [КСРГСПК]); суррогата муки (*Нащиплем козелей с елки, можно хоть и лепешки испекчи из их* (Юм Юрл.) [СРГКПО, с. 122]), а также их употребляли вместе с молоком (*Они красные, оне, как ись, тоже ельник, но принесёшь домой, с молоком, ох как хорошо. [А как эти ягоды называются?] А, ягоды, вот так они и назывались, ёлка-ягоды* (Рябинино Черд.) [КСРГСПК]). Отметим, что подобное употребление характерно для многих дикорастущих съедобных растений, об этом пишет в своей статье К. В. Осипова [Осипова, с. 126–128].

В то же время в народном представлении взрослые, созревшие шишки хвойных деревьев — нечто абсолютно несъедобное, поэтому в русской диалектной фразеологии они связаны с обозначением чего-либо ненужного, бесполезного. Так, поговорка *За море по еловы шишки* получает дефиницию ‘о действиях бестолкового человека’ [Мокиенко, Никитина, с. 411], то же значение имеет поговорка *В раменьё по сосновые шишки*. Пословица *Невдогад по малину, так хоть по еловы шишки!* толкуется В. Далем как ‘упустя пору’ [Даль, т. 2, с. 1312]. Синонимичный вариант *По грибы не час, и по ягоды нет, так хоть по сосновые (по еловые) шишки* можно интерпретировать как ‘за неимением лучшего приходится довольствоваться тем, что есть’. В пермских говорах отмечены фразеологизмы *шишку еловую* ‘ничего’ (*Шишку вам елову! Ничё не получите, не буду петь* (Тетерина Сол.); *Хотели денег заробить, да шишку елову получили, с таком приехали* (Пегушино Сол.) [ФСПГ, с. 425–426]); *закормить шишками* ‘скудно накормить, угостить’ (*Тебя шишками они закармили* (Акчим Краснов.) [АС, вып. 6, с. 226]) и выражение *Он не пустая шишка, а еловая* ‘о гордом, важничающем’ [НППК, с. 71]. Скорее всего, в этих устойчивых единицах обнаруживаются ассоциативные связи со словами *шиш* ‘о полном отсутствии чего-либо’, но главная семантическая связь ‘несъедобный’ → ‘бесполезный’.

Таким образом, существует некоторое противоречие между тем, что шишки хвойных деревьев можно употреблять в пищу (а значит, они способны выступать в роли продуктов питания), и народными представлениями о том, что шишки

абсолютно несъедобны и бесполезны. Но во фразеологизмах и поговорках речь идет именно о зрелых шишках, которые не употребляют в пищу. Для носителей пермских говоров *шишка* служит обозначением зрелого мегастробила, а молодые шишки обозначаются другими языковыми единицами. Съедобность незрелых стробил подчеркивается наименованиями *крупа* и *ягода*, которые называют типичную пищу славян и в некотором роде становятся заменителями этих продуктов питания на северной территории. Подобный семантический перенос происходит в говорах Русского Севера: различные болотные растения, измельченные высушенные корни которых использовались в качестве заменителя муки, получают названия *хлебница*, *хлебник* и др. [Гудков, с. 164–166]. Исконный характер наименований молодых шишек свидетельствует о том, что заимствованный у финно-угорских народов кулинарный опыт прижился в русском рационе.

Кроме того, противоречие может быть объяснено краткостью периода их использования в пищу и ограниченностью употребления в качестве продукта питания. Скорее всего, включение молодых шишек в рацион происходило в случае неурожая и голода, т. е. они служили суррогатом пищи, об этом говорят и информанты: *Люди в старину плохо жили, голодовали. Пихту, берёзу, пистики — всё ели. По-нищему собирали* (Бондюг Черд.) [КСРГСПК]. Помимо этого, молодые шишки ели дети, для них шишки (как и многие дикоросы) выступали своеобразным лакомством, источником витаминов. К. В. Осипова отмечает, что съедобные дикие растения ели в голодные годы, нередко их сбором занимались девушки и дети, поскольку взрослые были заняты работой [Осипова, с. 126].

Выводы

В русских говорах Пермского края отмечено большое число наименований молодых шишек хвойных растений. В количественном отношении преобладают названия еловых и сосновых шишек, наименований стробил других хвойных (пихты и кедра) относительно немного. Такое соотношение связано с широким распространением на территории края ели и сосны и меньшим — пихты и кедра.

Номинации получают именно молодые стробилы деревьев, так как их употребляли в пищу. Появление синонимичных фитонимов обусловлено несколькими причинами: 1) используемые в пищу растения часто получают несколько вариантов наименования на основе разных мотивационных моделей; 2) номинации отличаются в зависимости от территории бытования (особенно это касается наименований еловой шишки: лексемы *козоль*, *козолька*, *кузёнка* зафиксированы преимущественно в говорах северных районов Пермского края, а *еловчик* — в южных говорах); 3) языковые единицы могут быть заимствованиями из других языков.

Чаще всего лексические единицы имеют прозрачную внутреннюю форму и объясняются данными русского языка. В русских фитонимах отражены такие

признаки, как форма этой части растения (*круглянка, свечка*), составляющие части (*крупянка, семенушка*), использование в пищу (*пряничек, едок, ягода*), цвет (*красные ягоды*). Заимствованием из коми-пермяцкого является слово *козоль* (в русских говорах — *козолька*). Сравнение пермских диалектных наименований молодых хвойных шишек с данными других русских говоров показывает пересечения с севернорусскими (архангельскими, вятскими) и среднеуральскими говорами. На этих территориях отмечено употребление молодых стробил в пищу. Возможно, что включение этих дикоросов в рацион русских произошло под влиянием пермских народов, проживающих в этих регионах. Косвенно об этом свидетельствуют заимствования в русских говорах (*козоль, козыс*), а также отдельные языковые единицы (обычно несколько синонимов) для обозначения незрелых шишек хвойных деревьев в диалектах пермских языков.

Молодые шишки разных хвойных деревьев имеют разные номинации, реже еловые и сосновые шишки обозначаются одним словом (*гузёнка, круп(л)янка*). В диалектных словарях в толковании часто не содержится сведений о том, какие шишки (мужские или женские) обозначаются словом или номинативным сочетанием. Однако эта информация является важной, в пищу обычно употребляли именно молодые мужские шишки (микростробилы).

В русской фразеологии созревшие шишки хвойных деревьев воспринимаются как нечто не предназначенное для еды, а потому бесполезное. Во многом это объясняется их несъедобностью и отсутствием другого утилитарного назначения. Употребление молодых шишек в пищу на территории Пермского края привело к появлению единиц, в состав которых входят наименования продуктов питания (*крупянка, пряник, ягода*).

Сокращения

В названиях административных районов Пермского края

Гайн.	Гайнский	Кунг.	Кунгурский
Ел.	Еловский	Сол.	Соликамский
Коч.	Кочевский	Чайк.	Чайковский
Краснов.	Красновишерский	Черд.	Чердынский
Кудым.	Кудымкарский	Юрл.	Юрлинский
Куед.	Куединский		

Источники

АС — Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области: (Акчимский словарь) : в 6 вып. / ред. Ф. Л. Скитова. Пермь : Перм. гос. ун-т, 1984–2011.

Вайгандт, Кокорина — Бормист, Альняш в тылу и на фронте / ред.-сост. Н. С. Вайгандт, Т. И. Кокорина. Ижевск : Бон Анца, 2019.

ДАКТиПЯ — Диалектологический архив (кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртена. М., 1903–1909.

КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М. : Русский язык, 1985.

КСРГСПК — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» (кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь).

КЭСЛЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007.

МСКПНР — Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений [Электронный ресурс] : монография / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина. Пермь, 2021. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf> (дата обращения: 06.08.2022).

НППК — К пиру едется, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края / науч. ред. И. А. Подюков. СПб. : Маматов, 2015.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннетика : Изд-во ВятГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров : науч.-метод. пособие / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. СПб., 1869.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 2000. Вып. 1 : А–Н ; 2002. Вып. 2 : О–Я.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / ред. И. А. Подюков. Пермь : ПОНИЦАА, 2006.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003–2005.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 т. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ФСПГ — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.

Исследования

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак : Нестор-История, 2007–. Вып. 1–.

Бакланова И. И. Народные названия дикорастущих съедобных растений Пермского края, или История поиска названия «гоньши» // Проблемы лингвистического краеведения / сост. С. С. Иванова ; отв. ред. Ю. Г. Гладких. Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2014. С. 35–42

Блинова О. И. Из наблюдений над лексикой кедрового промысла в Сибири // Научная библиотека Томского государственного университета. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0007-72460j/from60.htm> (дата обращения: 26.07.2022).

Боброва М. В., Русилова И. И., Черных А. В. Дикорастущие травы в ритуальной традиции Пермского края // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. 13, ч. 2. Этноботаника 2: Растения в языке и культуре. С. 167–190.

Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 27–49.

Гайдамашко Р. В. К этимологии и лингвогеографии названий зонтичных растений в русских говорах Прикамья: *пучка, умра* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. 13, ч. 2. Этноботаника 2: Растения в языке и культуре. С. 298–331.

Гудков А. Г. Рацион крестьян Русского Севера в конце XVIII — первой половине XIX века // Европейский Север России: традиции и модернизационные процессы. Вологда; Молочное: Изд. центр Вологод. гос. мол.-хоз. акад., 2006. Ч. 1. С. 159–170.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Мужской цветок ели (северюха)» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Вып. II. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010а. С. 110–126.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Шишка еловая» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Вып. II. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010б. С. 88–109.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. СПб.: Нестор-История, 2019.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред.: Н. Ф. Мокшин и др. М.: Наука, 2000.

Осипова К. В. День с колобом, да два с голодом: крестьянская пицца во времена голода (на материале севернорусской диалектной лексики) // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 122–136.

Русилова И. И. Названия травы душица обыкновенная в пермских говорах (на материале словарей) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2011 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2011. С. 358–364.

Русилова И. И., Богачева М. В. Фитонимическая лексика говоров Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2000 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2003. С. 116–127.

Савельева М. А. О некоторых проблемах описания народных названий растений в тематическом словаре // Филология в XXI веке. 2018. № 1(1). С. 196–201.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

References

Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Iss. 1–). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi: Znak: Nestor-Istoriia.

Baklanova, I. I. (2014). Narodnye nazvaniia dikorastushchikh s"edobnykh rastenii Permskogo kraia, ili Istoriia poiska nazvaniia "gonyshi" [Folk Names of Wild-Growing Edible Plants of Perm Region, or the History of the Search for the Name "гоньши"]. In S. S. Ivanova, Yu. G. Gladkikh

(Eds.), *Problemy lingvистического kraevedeniia* [Problems of Linguistic Local History] (pp. 35–42). Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Blinova, O. I. *Iz nabliudeniĭ nad leksikoĭ kedrovogo promysla v Sibiri* [From Observations on the Vocabulary of the Siberian Pine Industry]. Retrieved from <http://sun.tsu.ru/mminfo/0007-72460j/from60.htm>

Bobrova, M. V., Rusinova, I. I., & Chernykh, A. V. (2017). Dikorastushchie travy v ritual'noi traditsii Permskogo kraia [Wild Herbs in the Ritual Tradition of Perm Region]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvистических issledovaniĭ RAN*, 13(2), 167–190.

Gaidamashko, R. V. (2017). K etimologii i lingvogeografii nazvaniĭ zontichnykh rasteniĭ v russkikh govorakh Prikam'ia: *puchka, umra* [On the Etymology and Linguo-Geography of the Names of Umbelliferous Plants in the Russian Dialects of the Kama Region: *пучка, умра*]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvистических issledovaniĭ RAN*, 13(2), 298–331.

Gudkov, A. G. (2006). Ratsion krest'ian Russkogo Severa v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [The Diet of the Peasants of the Russian North in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. In *Evropeiskii Sever Rossii: traditsiia i modernizatsionnye protsessy* [European North of Russia: Tradition and Modernization Processes] (pp. 159–170). Vologda; Molochnoe: Izdatel'skii tsentr Vologodskoi gosudarstvennoi molochno-khoziaistvennoi akademii.

Maksimov, S. A. (2010a). Kommentarii k karte “Muzhskoi tsvetok eli (severiukha)” [Commentary on the Map “Male Flower of Spruce (*северюха*)”]. In R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, & G. V. Otvavnova, *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka. Karty i kommentarii* [Dialectological Atlas of the Udmurt Language. Maps and Comments] (pp. 110–126). Izhevsk: NITS “Reguliarnaia i khaoticheskaia dinamika”.

Maksimov, S. A. (2010b). Kommentarii k karte “Shishka elovaia” [Comments to the Map “Spruce Cone”]. In R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, & G. V. Otvavnova, *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka. Karty i kommentarii* [Dialectological Atlas of the Udmurt Language. Maps and Comments] (pp. 88–109). Izhevsk: NITS “Reguliarnaia i khaoticheskaia dinamika”.

Mokshin, N. F. et al. (Eds.). (2000). *Narody Povolzh'ia i Priural'ia. Komi-zyriane. Komi-permiaki. Mariitsy. Mordva. Udmurty* [The Peoples of the Volga and Ural Regions. Komi-Zyrians. Komi-Permyaks. Mari. Mordva. Udmurts]. Moscow: Nauka.

Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. St Petersburg: Nestor-Istoria.

Osipova, K.V. (2017). Den' s kolobom, da dva s golodom: krest'ianskaia pishcha vo vremena goloda (na materiale severnorusskoi dialektnoi leksiki) [A Loaf for One Day, Hunger for Two: Peasant Food in the Times of Famine (A Study of the North-Russian Dialect Vocabulary)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 122–136.

Rusinova, I. I. (2011). Nazvaniia travy dushitsa obyknovennaia v permskikh govorakh (na materiale slovarei) [Names of Oregano in Perm Dialects (Based on the Material of Dictionaries)]. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)] (pp. 358–364). St Petersburg: Nauka.

Rusinova, I. I., & Bogacheva, M. V. (2003). Fitonimicheskaja leksika govorov Permskoi oblasti [Vocabulary of Folk Botany of Perm Region]. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)] (pp. 116–127). St Petersburg: Nauka.

Savelyeva, M. A. (2018). O nekotorykh problemakh opisaniia narodnykh nazvaniĭ rasteniĭ v tematicheskom slovare [On Some Problems of Describing the Folk Names of Plants

in the Thematic Dictionary]. In *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st Century] (pp. 196–201). Perm: Perm State University.

Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock] (Iss. 1–). Moscow: Nauka.

Vendina, T. I. (1999). Slovoobrazovanie kak sposob diskretizatsii universuma [Word-Building as a Way to Discretize the Universe]. *Voprosy iazykoznanii*, 2, 27–49.

Зверева Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник
Пермский федеральный исследовательский
центр УрО РАН
614990, Пермь, ул. Ленина, 13А
E-mail: zv.ul@mail.ru

Zvereva, Yuliya Vladimirovna

PhD (Philology), Senior Researcher
Perm Federal Research Center,
Ural Branch of the RAS
13a, Lenin Str., 614990 Perm, Russia
Email: zv.ul@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0129-2565>
WoS ResearcherID: D-9469-2017